

полития

М. В. Харкевич

«СОЦИАЛЬНАЯ КЛЕТКА» КАК УСЛОВИЕ МИРА В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ¹

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта № 19-011-31053 «Мегатренды мировой политики в XXI веке: сферы проявления и развития».

Максим Владимирович Харкевич — кандидат политических наук, доцент кафедры мировых политических процессов МГИМО МИД России. Для связи с автором: m.kharkevich@inno.mgimo.ru.

Аннотация. В статье доказывается, что структурные причины снижения/возрастания вооруженного насилия на социетальном и международном уровнях одни и те же. Как правило, конфликты на этих уровнях рассматриваются исследователями отдельно друг от друга, поэтому общего объяснения изменений их динамики нет. В статье предпринята попытка предложить такое объяснение, базирующееся на двух связанных между собой подходах: международной исторической социологии и английской школе теории международных отношений. Суть объяснения заключается в эффекте «социальной клетки», описанной Майклом Манном. Благодаря механизму социального обучения наличие ограничений, препятствующих выходу из социального взаимодействия, ведет к постепенному снижению насилия и усилению сотрудничества между акторами. На уровне общества функции «клетки» выполняет государство, на уровне государств — глобальная капиталистическая система (в экономической сфере) и международное общество (в политической сфере).

Проанализировав на историческом материале доказательную силу концепции «социальной клетки», автор показывает, что она полностью объясняет динамику гражданских конфликтов: чем государство сильнее, тем ниже вероятность их возникновения. В случае межгосударственных отношений ситуация сложнее, поскольку международное общество существует на двух уровнях — глобальном и региональном. Эффект глобального международного общества сказывается главным образом на отношениях между великими державами. Поведение других государств регулируют «социальные клетки», складывающиеся в рамках отдельных региональных комплексов безопасности. Как следствие, тенденция к снижению числа военных столкновений наиболее выражена именно применительно к великим державам. На региональном уровне она характерна лишь для централизованных комплексов безопасности. В стандартных комплексах безопасности отчетливые тренды в динамике межгосударственных конфликтов отсутствуют.

Ключевые слова: международная безопасность, социальное взаимодействие, государство, международное общество, региональные комплексы безопасности

Введение

Со времени окончания Второй мировой войны прямых военных конфликтов между великими державами не случалось. В научной литературе предлагается множество объяснений этому феномену, который вслед за Джоном Гэддисом принято именовать «долгим миром»². Более того, существует точка зрения, согласно которой «долгий мир» — лишь часть общего долгосрочного исторического тренда на сокращение войн и насилия в мире³. Этот тезис активно отстаивает, в частности, Стивен Пинкер. Наиболее известным оппонентом Пинкера в этом вопросе является Нассим Талеб, который, ссылаясь на проведенное им совместно с Паскуале Чирилло статистическое исследование, утверждает, что никаких долгосрочных трендов в сфере политического насилия нет⁴.

² Gaddis 1986.
³ Pinker 2011.
⁴ Cirillo and Taleb 2016.

На фоне отсутствия войн между великими державами уровень других форм политического насилия в последние 70 лет выглядит менее стабильным. Различные проявления социетального насилия (гражданские войны, терроризм и др.) в странах глобального Юга демонстрировали то резкий взлет (с 1960 по 1991 г.), то резкое падение (с 2000-х годов).

Как правило, подобные виды насилия рассматриваются исследователями отдельно друг от друга, поэтому общего объяснения изменения их динамики нет. В настоящей статье предпринята попытка предложить такое объяснение, базирующееся на двух связанных между собой подходах: международной исторической социологии и английской школе теории международных отношений. Суть объяснения заключается в эффекте «социальной клетки» (social caging), описанной Майклом Манном. Благодаря механизму социального обучения наличие ограничений, препятствующих выходу из социального взаимодействия, ведет к постепенному снижению насилия и усилению сотрудничества между акторами. На уровне общества функции «клетки» выполняет государство, на уровне государств — международное общество. Соответственно, и на том, и на другом уровне укрепление «социальной клетки» будет способствовать уменьшению, а ослабление — нарастанию конфликтности.

Статья состоит из трех частей. В первой части критически анализируются существующие трактовки долгосрочных тенденций в сфере как межгосударственного, так и социетального политического насилия. Во второй части рассматривается концепция «социальной клетки» Манна и ее импликации на социетальном и международном уровнях. В третьей части на историческом материале демонстрируется доказательная сила данной концепции при объяснении изменений в динамике политического насилия.

**Тренды
в динамике
политического
насилия**

⁵ Их обзор см. Gleditsch, Skrede, and Clauset 2018.

⁶ Brodie 1946.

⁷ Churchill 1955.

⁸ Mueller 2018.

⁹ Mastny and Byrne (eds.) 2005.

¹⁰ Kennan 1987: 827.

¹¹ Jackson and Nei 2015.

Исследования трендов в сфере вооруженных конфликтов зачастую носят технический (статистический) характер и выстраиваются вокруг различных математических моделей. Не вдаваясь в обсуждение подобных моделей⁵, сосредоточимся на существенных подходах к анализу динамики политического насилия. Начнем с предлагаемых объяснений феномена «долгого мира».

Одно из наиболее популярных объяснений «долгого мира» заключается в том, что появление ядерного оружия и его последующее распространение уничтожило всякий смысл войны между великими державами. Это было очевидно уже Бернарду Броди, писавшему в 1946 г., что «ядерное оружие — революционное изобретение, которое изменило саму природу войны»: «Если в доядерную эпоху нельзя себе было представить полное уничтожение сразу и победителя, и проигравшего, то теперь даже самые сильные государства, скорее всего, не смогут своими силами защитить свои города от полного уничтожения. Становится все сложнее представить себе войну как таковую»⁶. Сходную мысль выразил в 1955 г. Уинстон Черчилль: «Тонкая историческая ирония состоит в том, что безопасность становится сегодня здоровым ребенком страха, а выживание — братом-близнецом полного уничтожения»⁷.

Однако у современных исследователей существуют серьезные сомнения в адекватности или, по крайней мере, в исчерпывающем характере подобного объяснения⁸. По их мнению, сложно себе представить, что сразу же после окончания разрушительной мировой войны великие державы, и прежде всего Советский Союз, готовы были броситься воевать друг с другом и только наличие ядерного оружия помешало им это сделать. В частности, документы Организации Варшавского договора свидетельствуют о том, что в ней никогда не строились планы наступательной войны⁹. Ядерное оружие не могло удержать стороны от войны, которую они не планировали. Как признавался в 1987 г. Джордж Кеннан, «мне совершенно ясно, что советские лидеры не хотят войны с нами и не планируют ее начинать. Более того, я никогда не верил, что они считают, будто в их интересах военное вторжение в Западную Европу, или что они вообще предпримут атаку на этот регион, даже если не было бы так называемого ядерного сдерживания»¹⁰.

Следующее популярное объяснение отсутствия войн между великими державами — рост экономической взаимозависимости, ибо, если государства торгуют друг с другом, им не выгодно воевать. На эмпирическом материале справедливость этого тезиса подтвердили недавно Мэтью Джексон и Стивен Ней¹¹. Анализируя роль межгосударственных союзов в предотвращении войн, они установили, что такие союзы становятся надежной гарантией мира лишь на фоне развития и интенсификации международной торговли. Торговля увеличивает плотность союзов, тем самым не только снижая склонность их членов конфликтовать между собой, но и делая их менее уязвимыми для атаки извне.

Данные о международной торговле действительно свидетельствуют о том, что с 1950 г. происходило уплотнение и стабилизация торговых

отношений и межгосударственных союзов. Но как это может объяснить отсутствие прямых столкновений между СССР и США, ведь сети межгосударственных союзов вокруг этих супердержав не пересекались¹², да и уровень торговых отношений между ними был невысок?

¹² Kinne 2018.

Довольно популярной остается также теория, связывающая расширение пространства мира с волнами демократизации¹³. Однако в Восточную Европу и СССР демократизация пришла лишь в конце 1980-х — начале 1990-х годов и не может служить объяснением отсутствия войн на протяжении предшествовавших четырех с лишним десятилетий.

¹³ Ray 1998.

Менее популярным, но тоже заслуживающим внимания является предположение, что войны между великими державами прекратились благодаря усилиям международного сообщества, которое, используя миротворческие механизмы ООН, эффективно вмешивается в конфликты в горячих точках, предотвращая их эскалацию до столкновений между ведущими мировыми игроками¹⁴. По сути дела речь идет о том, что изменение способа регулирования международных отношений и переход от баланса сил к коллективной безопасности, начало которому положило еще создание Лиги Наций после Первой мировой войны, наконец-то стали приносить плоды. Но даже если согласиться с этим заключением, оно никак не объясняет положение вещей в годы холодной войны, когда миротворческая деятельность Объединенных наций была блокирована разделенным по блоковому принципу Советом безопасности ООН¹⁵.

¹⁴ Goldstein 2012.

¹⁵ С 1945 по 1990 г. было проведено 18 миротворческих операций, с 1990 по 1999 г. — 34.

Проблема с рассмотренными выше трактовками причин «долгого мира» еще и в том, что, будучи нацелены на объяснение отсутствия войн между великими державами начиная со второй половины XX столетия, они заведомо не в состоянии объяснить аналогичные ситуации в предшествующие века. Между тем, как показывает статистическое исследование Аарона Клокета, проведенное на основе базы данных *Correlates of War*¹⁶, в истории международных отношений продолжительный мир между великими державами скорее правило, чем исключение. Для того чтобы отсутствие войн между великими державами после 1945 г. могло считаться действительно уникальным явлением, оно должно продлиться еще 150 лет¹⁷.

¹⁶ Clauzet 2018.

¹⁷ *Ibidem*.

Существует несколько работ, посвященных снижению насилия в общественных и международных отношениях как устойчивому долгосрочному тренду. Так, Джеймс Пейн объясняет этот тренд неуклонной демократизацией и развитием экономических отношений, которые несовместимы с насилием¹⁸. В свою очередь Пинкер связывает его с монополизацией насилия национальными государствами, развитием международной торговли, повышением ценности человека, распространением грамотности и средств коммуникации, а также с ростом значимости рациональных соображений при решении возникающих проблем¹⁹.

¹⁸ Payne 2004.

¹⁹ Pinker 2012.

Весомость рассуждений обоих авторов подрывает то обстоятельство, что, хотя факторы, которыми они оперирует, довольно сильно менялись от столетия к столетию, это никак не отражается на кривой

межгосударственных конфликтов. В связи с этим более убедительным выглядит предположение Клозета, согласно которому уровень конфликтности между государствами определяется не какими-то отдельными тенденциями типа демократизации или расширения международной торговли, а системой международных отношений и, соответственно, требует системного объяснения²⁰.

²⁰ *Clauset 2018.*

Одно из таких объяснений можно найти в известной статье Александра Вендта, где доказывается, что система международных отношений стремится к равновесию, воплощением которого будет не баланс сил (всегда неустойчивый), а глобальное государство²¹. Эмпирическим подтверждением данного тренда в глазах Вендта служит постепенная, но неуклонная монополизация насилия в системе международных отношений, что находит свое выражение в сокращении числа великих держав. В конечном итоге, полагает он, монополия на легитимное насилие в глобальном масштабе окажется сосредоточена в одном институте, который, исходя из определения Макса Вебера, следует квалифицировать как государство, пусть даже он будет мало походить на то, что мы привыкли обозначать этим термином.

²¹ *Wendt 2003.*

Аргументация Вендта не вполне соотносится с наблюдаемой в последние годы трансформацией системы международных отношений в направлении полицентричности. Вопреки описанному им долгосрочному тренду, сегодня мы видим тенденцию не к сокращению, а к росту количества великих держав в системе. Но, возможно, это лишь временная флуктуация.

Альтернативное объяснение неизбежности глобального государства представлено в исследовании Иэна Морриса. Суть этого объяснения заключается в том, что в условиях международной анархии мировая система достигнет стабильного состояния только в том случае, если в результате войн суверенным останется только одно государство, взявшее под административный контроль все остальные²². Согласно Моррису, когда победившее государство захватывает территорию побежденного и начинает заниматься ее развитием, от этого в конечном итоге выигрывают жители обоих государств, то есть война способствует прогрессу цивилизации. Неясно, правда, как быть с возможностью применения ядерного оружия, что неминуемо остановит распространение цивилизации и уничтожит все ее достижения, включая самих людей.

²² *Morris 2014.*

Заслуживает упоминания и еще одно объяснение долгосрочного снижения насилия, которое опирается на такое фундаментальное свойство людей, как обучаемость. Отталкиваясь от идей Иммануила Канта относительно путей достижения вечного мира, Ларс-Эрик Седерман предложил реинтерпретацию демократического мира как макроисторического процесса обучения²³. При таком угле зрения демократический мир предстал как процесс динамический — в том смысле, что государства учитывают прошлый опыт взаимодействия друг с другом, и вместе с тем диалектический — в том смысле, что в поступательном развитии доверительных отношений между государствами могут быть резкие откаты

²³ *Cederman 2001.*

назад в виде войн, которые впоследствии только усиливают стремление к миру. Гипотеза Седермана состояла в том, что демократические государства учатся быстрее недемократических. Используя для ее проверки базы данных *Cogrelates of War* и *Polity III*, он обнаружил, что с 1825 по 2000 г. в демократических парах государств вероятность вооруженного конфликта снижалась существенно быстрее, чем в недемократических²⁴. Проведенное Седерманом исследование показало, что к взаимному обучению мирному сотрудничеству способны и автократии, только у них это отнимает больше времени, чем у демократий.

²⁴ *Ibid.*: 20.

Несмотря на все разнообразие рассмотренных выше трактовок феномена снижения политического насилия, все они затрагивают исключительно отношения между государствами, оставляя за скобками иные его формы. Между тем, как свидетельствует, в частности, вторая половина XX в., динамика межгосударственного и социетального насилия может быть противоположной. Очевидно, что теория среднего уровня, способная непротиворечиво объяснить обе переменные (межгосударственные войны и социетальное насилие) будет эвристически сильнее теории, которая объясняет изменения только в одной сфере.

Эффект «социальной клетки»

В своем фундаментальном исследовании истоков социальной власти Манн постоянно использует метафору «социальной клетки» для объяснения возникновения человеческой цивилизации и скорости эволюции. Смысл метафоры заключается в том, что социальная эволюция требует наличия неких ограничителей, препятствующих выходу акторов из взаимодействия друг с другом. Чем эти ограничители прочнее, тем быстрее протекает эволюция. Наиболее ярким примером такого ограничителя («социальной клетки») является государство, но для его появления тоже нужна была «клетка» в виде сочетания ирригационных систем и плодородной почвы в речных долинах с благоприятным для земледелия климатом.

Обосновывая свой подход, Манн ссылается на сходные метафоры (концепции), встречающиеся в работах исследователей ранней государственности. Например, известный кембриджский историк и археолог Эндрю Колин Ренфрю определял цивилизацию как обособление (изоляция) социального мира от естественного. «Кажется логичным, — писал он, — выбрать в качестве условия развития цивилизации три наиболее мощных изолятора: церемониальные центры (изоляторы от неизвестного), письменность (изолятор от времени) и город (пространственный контейнер, изолятор от внешней среды). Цивилизация есть порождение этих изолирующих и сдерживающих факторов, случайным образом совпавших в истории»²⁵. Как подчеркивает сам Манн, в его объяснении возникновения первых государств в качестве причины выступает именно «социальная клетка», а не илистые почвы или ирригационные системы. Просто именно последние выполняли в тот период функцию «клетки», в другие исторические эпохи эту функцию брали на себя другие силы²⁶.

²⁵ *Renfrew 1972: 13.*

²⁶ *Mann 1986: 75.*

Со временем эффект «клетки» только усиливается. «Цивилизация, социальная стратификация и государство, — доказывает Манн, — возникли в результате импульса, данного аллювиальным сельским хозяйством различным сетям социального взаимодействия, присутствовавшим в окружающих регионах. Это стимулировало дальнейшее взаимодействие (caging interaction) между аллювием и внутренними районами, что привело к ускорению развития цивилизации, социальному расслоению и укреплению государства»²⁷.

²⁷ Mann 1986: 77.

Представление о государстве как о «клетке» разделяют и некоторые ведущие исследователи ранней государственности. Так, известный антрополог и историк Джеймс Скотт, опираясь на археологические и иные данные о ранних государствах, утверждает, что возводимые ими укрепления служили одновременно и для защиты от кочевников, и для предотвращения бегства населения (что было для таких государств постоянной проблемой). По его заключению, «так называемые стены против аморейских племен между Тигром и Евфратом²⁸ были предназначены скорее для того, чтобы удерживать крестьян в государственной „зоне“, чем для того, чтобы не пускать амореев, которые в любом случае уже в значительных количествах поселились в аллювии»²⁹.

²⁸ Имеется в виду линия укреплений, которую воздвиг царь Шумера и Аккада Шу-Суэн ок. 2034/2033 г. до н. э.

²⁹ Scott 2017: 138.

Частые набеги кочевников, опустошительные эпидемии, рискованное земледелие, скудный рацион, основанный на злаках и крайне бедный белком и жирами, приводили к тому, что жизнь в ранних государствах далеко не всегда была лучшей альтернативой быту охотников и собирателей. У последних и рацион был богаче и надежнее, и к эпидемиям они были устойчивее, поскольку постоянно перемещались малыми группами. Археологические данные показывают, что переход к оседлому образу жизни был не одномоментным. Долгое время племена совмещали оседлое земледелие с охотой и собирательством. Полный отказ от таких форм деятельности в пользу оседлого земледелия мог быть только насильственным. Ранние государства, как полагает Скотт, и были тем институтом, который принуждал людей к этому. «Крестьянство, способное удовлетворить собственные потребности, — отмечает он, — не будет по доброй воле производить излишки, которые могут потребовать от него элиты, а будет производить их только по принуждению. В эпоху формирования ранней государственности, когда средства традиционного производства еще были широко распространены и не монополизированы, сельскохозяйственный излишек мог быть произведен только через ту или иную форму несвободного, принудительного труда, долговой кабалы, крепостного права, даннических отношений и различных видов рабства»³⁰. Если люди изначально не проживали рядом с формировавшимися центрами ранней государственности, их насильно туда сгоняли.

³⁰ Ibid.: 152.

Скорость эволюции общественных институтов находится в прямой зависимости от прочности «социальной клетки». Именно в этом Манн видит причину форсированного развития египетской цивилизации. «Исходя из моей общей модели, я полагаю, — пишет он, — что

ранние египтяне были обречены (forced) на более замкнутую, более тесную модель социального сотрудничества, из которой не было выхода. Любая цивилизация есть следствие социальной клетки, но здесь мы обнаруживаем, что процесс ускорился. В сочетании с высокой централизацией и координацией общественных отношений тот же экономический проект, что и в других ранних цивилизациях (производство беспрецедентных излишков), обеспечивал приток многочисленной и организованной рабочей силы, позволявший высвободить значительное количество людей для выполнения непроектируемых задач. Ограниченная связь с внешним миром затрудняла развитие товарного или кустарного производства. Поэтому производственные и трудовые излишки трансформировались в монументальное и религиозно-интеллектуальное творчество. Египетские пирамиды и жрецы вместе с письменностью и календарями были порождением орошаемой, централизованной, изолированной социальной клетки»³¹.

³¹ *Ibid.*: 114.

С течением времени «социальная клетка» государственности только укреплялась, дополняясь новыми компонентами, такими как территориальность и национализм. Благодаря колонизации, а затем деколонизации государственность распространилась по всему миру.

³² *Weiss 2005*.

В начале 2000-х годов возникла научная дискуссия относительно перспектив государства в условиях глобализации³². В ходе этой дискуссии было, в частности, высказано мнение, что глобализация не только не разрушает «социальную клетку» государственности, но и укрепляет ее.

Понять, как глобализация может усилить государство, помогает разработанная Манном теория инфраструктурной и деспотической власти. По заключению Манна, в индустриальную эпоху европейские государства стали полагаться не столько на деспотическую власть, предполагающую способность отдавать приказы (которые далеко не всегда исполняются), сколько на власть инфраструктурную, состоящую в контроле не над, а с помощью общества, что, в свою очередь, означает проникновение в него, извлечение и координацию его ресурсов. Осуществляясь с согласия и при активном участии общества, инфраструктурная власть сопряжена с необходимостью постоянно договариваться с ним. Если деспотическая власть основана на распределительной логике, то инфраструктурная — на логике сотрудничества. «Инфраструктурная власть, — указывает Манн, — это институциональная способность централизованного государства (не важно, деспотического или нет) пронизывать свою территорию и оптимальным образом реализовывать свои решения. Это коллективная власть, власть „через“ общество, координация общественной жизни через государственную инфраструктуру. <...> Инфраструктурная власть — улица с двусторонним движением: она также позволяет организациям гражданского общества контролировать государство. Возрастание инфраструктурной власти не обязательно увеличивает или уменьшает распределительную, деспотическую силу государства. Однако эффективная инфраструктурная власть повышает его совокупную мощь»³³.

³³ *Mann 2012*: 59.

Важно отметить, что при определении инфраструктурной власти Манн тоже использует метафору «социальной клетки», отмечая, что инфраструктурная сила позволяет государству «загонять в клетку» больше общественной жизни.

Различные сочетания этих двух видов власти порождают исторически конкретные типы государств (см. *табл. 1*).

Таблица 1 Типы государств в зависимости от соотношения деспотической и инфраструктурной власти

	<i>Инфраструктурная власть</i>	
<i>Деспотическая власть</i>	Низкая	Высокая
Низкая	Феодалное государство	Бюрократическо-демократическое государство
Высокая	Империалистическое/абсолютистское государство	Авторитарное государство

В 2000 г. Манн обратил внимание на удивительный парадокс: развитие глобализации совпало с укреплением инфраструктурной силы государств. Глобализация не выхолащивает государства, поскольку «государственное регулирование все еще необходимо: рынки нуждаются в правилах, а подавляющая их часть вырабатывается национальными государствами. Государства и тратят сегодня больше, и вмешиваются в жизнь общества гораздо чаще, чем это делали государства XIX в. Однако они оказались сильно ограничены глобализацией финансового капитала, что проявляется в их отказе от инструментов макроэкономической политики, в частности от кейнсианских методов управления спросом»³⁴.

³⁴ *Cum. no: Weiss 2006: 532.*

Таким образом, зародившись на Ближнем Востоке 3 тыс. лет назад, «социальная клетка» в форме государства сохраняется и даже становится более прочной в условиях глобализации, сумев в период индустриальной революции нарастить инфраструктурную силу, благодаря которой общество превратилось не столько в объект управления, сколько в партнера государственной власти.

Научная дискуссия вокруг теоретического наследия Манна редко выходит за пределы сравнительной политологии. Однако концепция «социальной клетки» вполне применима при анализе происходящего на региональном и даже общемировом уровне. На региональном уровне соответствующую функцию могут выполнять экономические сети (экономическая регионализация³⁵) и процессы секьюритизации (региональные комплексы безопасности³⁶), на общемировом — глобальный капитализм и международное общество.

³⁵ *Börzel and Risse 2016.*

³⁶ *Buzan 2003.*

³⁷ Wallerstein 2011a; 2011b; 2011c, 2011d.

В классическом труде Иммануила Валлерстайна «Мир-система Модерна»³⁷ показано, как начиная с XVI в. на основе капиталистического способа производства в Европе складывается единая система разделения труда при отсутствии общерегиональных политических структур (что отличает ее от предшествующих имперских форм). В зависимости от положения в этой системе, которую Валлерстайн называет мир-экономикой, выделяются государства центра, государства полупериферии и периферийные зоны (государственности в таких зонах либо нет совсем, либо она очень слаба). В XVII—XVIII вв. происходит консолидация европейской мир-экономики, а затем и ее экспансия, завершившаяся глобальным триумфом уже после холодной войны. Особенностью современной мировой экономики, по мнению Мануэля Кастельса, является ее глобальность, то есть способность «работать как единая система в режиме реального времени в масштабе всей планеты»³⁸. «Клетка» глобальной капиталистической мир-экономики связывает все государства и их народы, вынуждая взаимодействовать на выгодных или невыгодных для себя условиях.

³⁸ Castells 1998: 105.

В политической сфере роль «социальной клетки» для государств играет международное общество. Это ключевое понятие английской школы теории международных отношений, обозначающее «группу государств (или, в более общем смысле, независимых политических образований), которые не просто составляют систему в том смысле, что поведение каждого является необходимым фактором в расчетах других, но также путем диалога и согласия установили общие правила и институты, призванные регулировать отношения между ними, и демонстрируют общую заинтересованность в соблюдении этих договоренностей»³⁹. Согласно классикам этой школы Хэдди Буллу и Адаму Уотсону, до XX в. в мире было несколько региональных международных обществ (европейское, африканское, китайское, монгольское, арабское, латиноамериканское и т.д.). С XV в. европейское международное общество начало свою экспансию, поглощая другие⁴⁰. Важным этапом в его развитии было создание после наполеоновских войн «европейского концерта», в рамках которого европейское сообщество государств впервые стало вести как единое целое. После Второй мировой войны экспансия европейского международного общества достигла своего предела, и преобладание европейского региона в международных отношениях подошло к концу. С этого времени в формировании глобального международного общества большую роль играют неевропейские центры силы.

³⁹ Bull and Watson 1984: 1.

⁴⁰ Bull and Watson 1984.

На основе анализа исторической эволюции международного общества Уотсон обнаружил у него четыре состояния. Эти состояния, определяемые местом в континууме «свобода-порядок», были обозначены им как «анархия», «гегемония», «сюзеренитет» и «империя». По признанию самого Уотсона, изучив различные региональные международные общества, он был поражен, насколько каждое из них, включая европейское, тяготеет к гегемоническому состоянию. Иначе говоря, с исторической точки зрения такое состояние международных обществ

- ⁴¹ *Watson 1992.* является наиболее устойчивым⁴¹. По мнению Иэна Кларка, подобное положение дел объясняется тем, что гегемонический порядок, в отличие от имперского, основан на согласии и легитимности, а не на насильии⁴². Вместе с тем, как показывает Кларк, легитимность международного общества зависит не только от его внутреннего устройства, но и от деятельности различных негосударственных акторов и общественного мнения.

Три основных исторических состояния международного общества (выведа за скобки сюзеренитет) можно трактовать как три степени жесткости «социальной клетки». Анархия — наименее жесткая «клетка» для государств, оставляющая максимально широкое поле для конфликтов; империя — наиболее жесткая, минимизирующая возможность таковых; но самой приемлемой оказывается гегемония — конфликты остаются на периферии системы.

В территориальном плане политическое освоение мира завершилось к началу XX в. Одним из первых это зафиксировал известный геополитик Хэлфорд Маккиндер, констатировавший в 1904 г., что «отныне... нам придется иметь дело с замкнутой политической системой, и вполне возможно, что это будет система глобального масштаба. Вместо того чтобы рассеяться в окружающем неизведанном пространстве и хаосе варварства, всякий взрыв общественных сил отзовется громким эхом на противоположной стороне земного шара, так что в итоге разрушению подвергнутся любые слабые элементы политического и экономического организма Земли. Есть большая разница между попаданием снаряда в яму и попаданием его в замкнутое пространство между жесткими конструкциями крупного здания или судна. Хотя бы частичное осознание этого факта, возможно, отвлечет наконец государственных деятелей во всех частях мира от территориальной экспансии, обратив их к борьбе за согласованную созидательную деятельность»⁴³. В логике рассуждений Маккинндера прослеживаются те же причинно-следственные связи, что и у Манна, — закрытость социальной системы должна вести к ее развитию.

⁴³ *Mackinder 1904: 422.*

В институциональном смысле европейское международное общество оформилось в рамках Венской системы международных отношений. Восстановление Европы после наполеоновских войн базировалось на балансе сил между пятью великими державами того времени — Россией, Австрией, Францией, Великобританией и Пруссией. Однако в основе возникшего «европейского концерта» лежало отнюдь не механическое военно-силовое равновесие. Система опиралась на международное право и нормы, вытекавшие из заключительного акта Венского конгресса, в котором предусматривалось, что установленные в 1815 г. границы не могут быть пересмотрены без согласия подписавших его сторон. Вместе с тем она предполагала особую модель взаимодействия между государствами, отчасти восходившую к практикам XVIII в.⁴⁴, но включавшую в себя ряд новых элементов. Речь идет о многосторонней дипломатии. Инициатором такого формата, который,

⁴⁴ *Nicolson 2001.*

конечно, не заменял традиционную двустороннюю дипломатию, а дополнял ее, выступила Великобритания, ставшая созывать конгрессы глав государств и конференции послов для разрешения общеевропейских кризисов. На этих конгрессах и конференциях все дипломаты собирались вместе, что позволяло им достигать консенсуса в гораздо более короткие сроки, чем в рамках двусторонних переговоров. Кроме того, на подобных встречах можно было обсуждать не только вопросы двусторонних отношений, но и общерегиональную повестку дня. Между Венским (1815 г.) и Берлинским (1878 г.) конгрессами было проведено семь конгрессов и около 20 конференций послов. Благодаря этой системе постоянных встреч шесть держав (пять упомянутых выше плюс Италия) взяли на себя ответственность за коллективное управление региональной безопасностью, не отказываясь при этом от своего национального суверенитета.

«Европейский концерт» может служить примером организации международных отношений, при котором великие державы связывают себя некими совместно выработанными правилами ради поддержания устойчивого мира. Такой подход к регулированию конфликтов направлен не столько на предотвращение новых войн, сколько на построение мира. Это не негативный (реалистский) подход, основанный на балансе сил и взаимном силовом сдерживании, а позитивный (либеральный), базирующийся на самоограничении и институциональном строительстве. Джон Айкенберри называет его «стратегическим самоограничением», полагая, что только благодаря ему великие державы после войн способны выстроить мирные отношения друг с другом⁴⁵.

⁴⁵ Ikenberry 2001.

По мнению Айкенберри, одна из причин успеха США в холодной войне заключалась в одновременной реализации ими двух стратегий: военном сдерживании СССР и создании международных институтов и организаций, которые плотно встраивали ключевых союзников США в либеральный порядок. Следует, однако, отметить, что в сложных ситуациях обе сверхдержавы неизменно ограничивали себя в отношениях друг с другом и не доводили дело до открытой войны. Так было и в период ядерной монополии США (до 1949 г.), и тогда, когда СССР еще был не в состоянии доставить ядерный заряд до территории Соединенных Штатов (такая возможность появилась только к концу 1960-х годов), и во время всех кризисов холодной войны. Наиболее яркие проявления политики самоограничения двух сверхдержав — последовательные шаги по ограничению и сокращению стратегических вооружений, создание разветвленного международного режима контроля над оружием массового уничтожения, а также Хельсинкские соглашения 1975 г.

Сегодня, к сожалению, великие державы демонстрируют все меньшую склонность к самоограничению в отношениях друг с другом, прежде всего в экономической сфере. Особенно отчетливо такая несдержанность проявляется в политике США, которые стали использовать экономические санкции не только против своих соперников, но

и против союзников и развязали открытую торговую войну с Китаем. Как акт стратегической несдержанности можно рассматривать и расширение НАТО на восток (а также то, как оно осуществлялось)⁴⁶.

⁴⁶ Sarotte 2019.

**Объяснение
динамики
вооруженных
конфликтов
на внутри-
и межгосудар-
ственном уровне
с точки зрения
концепции
«социальной
клетки»**

Объяснение динамики гражданских конфликтов с точки зрения концепции «социальной клетки» заключается в том, что при слабых государственных институтах вероятность гражданской войны возрастает. Как отмечают Джеймс Фирон и Дэвид Лейтин, изучавшие гражданские войны второй половины XX в., «деколонизация 1940—1970-х годов породила большое количество слабых в финансовом, бюрократическом и военном отношении стран. В этих странах сложились условия для гражданских войн, почти всегда принимавших форму мятежа (insurgency) или сельской партизанской войны. Слабость государства в сочетании со значительным населением и политической нестабильностью — гораздо более надежный индикатор риска начала гражданской войны, нежели этническое и религиозное разнообразие или различные формы социальной несправедливости, такие как экономическое неравенство, отсутствие демократии, гражданских свобод или государственная дискриминация в отношении религий или языков меньшинств»⁴⁷. В годы холодной войны слабость постколониальных государств мало волновала супердержавы — важнее была их политическая лояльность тому или другому лагерю, в ответ на которую они получали экономическую и военную помощь. Вопрос о развитии постколониальных стран, в том числе об укреплении государственных институтов как важнейшем условии такого развития⁴⁸, был поставлен уже после ее окончания.

⁴⁷ Fearon and Laitin 2003: 88.

⁴⁸ Fukuyama 2004.

⁴⁹ Wesley 2008: 369.

⁵⁰ См., напр. Fukuyama 2007, 2014.

⁵¹ Krasner 2018.

⁵² Goldstein 2012.

За прошедшие с тех пор 30 лет накоплен немалый, хотя далеко не всегда успешный опыт государственного строительства⁴⁹. На место идеалистических представлений о возможности создания в постколониальных странах государственности западного образца⁵⁰ пришло реалистическое осознание того, что без заинтересованности местных элит (какими бы «нецивилизованными» они ни были) и связи с исходными политическими институтами (как бы они ни отличались от западных) выстроенные силами международных правительственных и неправительственных организаций «оазисы управляемости» обречены на провал⁵¹. Помимо успеха миротворческих операций, резкое снижение социального насилия в 2000-е годы является следствием международных усилий в сфере государственного строительства⁵². В свою очередь рост насилия на социальном уровне, который фиксируется с 2011 г. на Ближнем Востоке и с 2014 г. на Украине, связан прежде всего с ослаблением государственности (в результате «арабской весны» в первом случае и государственного переворота во втором).

Объяснение динамики межгосударственных конфликтов с помощью эффекта «социальной клетки» в виде международного общества, стимулирующего самоограничение государств в военно-силовой сфере, предполагает, что число и продолжительность военных столкновений

должны со временем снижаться. Применительно к великим державам это действительно так (см. *рис. 1, 2*), однако данные проекта *Correlates of War* показывают, что в случае остальных государств дело обстоит иначе. Если мы посмотрим на распределение межгосударственных войн в период с 1816 по 2007 г. (см. *рис. 3*), то обнаружим устойчивый тренд, установившийся в середине XIX в., — в среднем по 30 войн каждые 50 лет⁵³. То есть на протяжении последних полутора веков плотность межгосударственных конфликтов практически не менялась.

⁵³ В 1850—1899 и 1900—1949 гг. началось 29 войн, в 1950—1999 гг. — 34.

Рисунок 1 Частота войн между великими державами⁵⁴

⁵⁴ *Pinker 2011.*

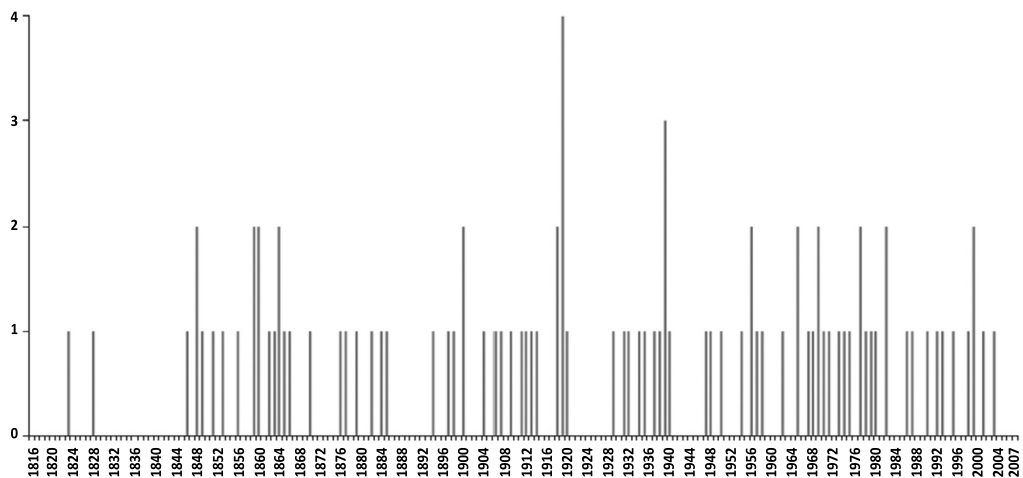

Рисунок 2 Продолжительность войн между великими державами⁵⁵

⁵⁵ *Ibidem.*

Рисунок 3 Количество межгосударственных войн, начавшихся в 1816–2007 гг. (по годам)⁵⁶

⁵⁶ Sarkees and Wayman 2010: 189.

Но означает ли это, что, когда речь идет о конфликтах между государствами, не относящимися к категории великих держав, механизм «социальной клетки» не работает? Ключ к ответу на этот вопрос дает теория региональных комплексов безопасности, разработанная Барри Бузаном и Оле Вейвером. Согласно этой теории, в сфере международной безопасности существуют два относительно автономных уровня — глобальный уровень взаимодействия великих держав и уровень взаимодействия региональных держав. «Процессы секьюритизации внутри комплекса [региональной безопасности] идут интенсивнее, — отмечают Бузан и Вейвер, — а следовательно, степень взаимозависимости в сфере безопасности между входящими в него акторами выше, чем между ними и теми, кто находится за его пределами. Глобальные державы вполне могут вмешиваться и проникать в региональные комплексы безопасности, но динамика последних обладает значительной автономией относительно паттернов, формируемых мировыми державами. Для того чтобы дать точное описание глобальной безопасности, необходимо изучить оба этих уровня... а также взаимодействие между ними»⁵⁷. Региональный уровень безопасности вышел на авансцену международной политики после деколонизации, и окончание холодной войны ускорило этот процесс.

⁵⁷ Buzan and Weaver 2003: 4.

Если обратиться к типологии региональных комплексов безопасности, подразделяемых Бузаном и Вейвером на стандартные и централизованные, можно заметить явную связь между степенью конфликтности внутри таких комплексов и жесткостью «социальной клетки».

Стандартный региональный комплекс представляет собой образование анархического типа по образцу Вестфальской системы. В свою очередь централизованные комплексы предполагают объединение вокруг суверенной державы (Северная Америка), великой державы (СНГ) или общерегиональных институтов (ЕС), то есть строятся по гегемоническому принципу. Уровень конфликтности в стандартных региональных комплексах выше, чем в централизованных, что полностью соответствует разнице в конфликтной динамике при анархическом и гегемоническом международных порядках. Это означает, что концепция «социальной клетки» работает и на региональном уровне, ибо при гегемонии «социальная клетка» всегда жестче, чем при анархии. Что касается зафиксированного выше отсутствия сколько-нибудь значимого снижения числа военных конфликтов между региональными государствами, то оно, по-видимому, связано с многочисленностью стандартных региональных комплексов безопасности.

Заключение

Структурные причины снижения/возрастания вооруженного насилия на социальном и международном уровнях одни и те же. Это «социальная клетка». На уровне общества функции такой «клетки» выполняет государство: чем оно сильнее в институциональном плане, тем ниже вероятность гражданской войны. На межгосударственном уровне в роли «социальной клетки» выступает глобальная капиталистическая система (в экономической сфере) и международное общество (в политической сфере).

Эффект глобального международного общества, начало формированию которого положила Венская система, однако, сказывается главным образом на отношениях между великими державами. Поведение других государств регулируют «социальные клетки», складывающиеся в рамках отдельных региональных комплексов безопасности. Как следствие, тенденция к снижению числа военных столкновений наиболее выражена именно в случае великих держав, которые ввиду высокой взаимозависимости в сфере безопасности оказываются вынуждены идти на самоограничения. На региональном уровне подобная динамика характерна лишь для централизованных комплексов безопасности. В стандартных комплексах безопасности отчетливые тренды в динамике межгосударственных конфликтов отсутствуют.

Библиография

Börzel T. and T.Risse. (2016) *The Oxford Handbook of Comparative Regionalism*. Oxford: Oxford University Press.

Brodie B. (1946) *The Absolute Weapon: Atomic Power and World Order*. URL: <https://www.osti.gov/opennet/servlets/purl/16380564-wvLB09/16380564.pdf> (accessed on 1.12.2019).

Bull H. and A.Watson. (1984) *The Expansion of International Society*. Oxford: Clarendon Press.

- Buzan B. and O.Weaver. (2003) *Regions and Powers: The Structure of International Security*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Castells M. (1998). *The Information Age: Economy, Society and Culture. Vol. III: End of Millennium*. Malden, Oxford: Blackwell.
- Cederman L.-E. (2001) «Back to Kant: Reinterpreting the Democratic Peace as a Macrohistorical Learning Process» // *American Political Science Review*, vol. 95, no. 1: 15–31.
- Churchill W. (1955) *Churchill on War. Part 2: What He Said in the Nuclear Age*. URL: <https://richardlangworth.com/war2> (accessed on 1.12.2019).
- Cirillo P. and N.Taleb. (2016) *The Decline of Violent Conflicts: What Do The Data Really Say?* URL: <http://www.fooledbyrandomness.com/pinker.pdf> (accessed on 1.12.2019).
- Clark I. (2005) *Legitimacy in International Society*. Oxford: Oxford University Press.
- Clauset A. (2018) «Trends and Fluctuations in the Severity of Interstate Wars» // *Science Advances*, vol. 4, no. 2. URL: <https://advances.sciencemag.org/content/4/2/eaao3580.full> (accessed on 1.12.2019).
- Fearon J.D. and D.D.Laitin. (2003) «Ethnicity, Insurgency, and Civil War» // *American Political Science Review*, vol. 97, no. 1: 75–90.
- Fukuyama F. (2004) «The Imperative of State-Building» // *Journal of Democracy*, vol. 15, no. 2: 17–31.
- Fukuyama F. (2007) «Exchange: Liberalism versus State-Building» // *Journal of Democracy*, vol. 18, no. 3: 10–13.
- Fukuyama F. (2014) *State-Building: Governance and World Order in the 21st Century*. Ithaka: Cornell University Press.
- Gaddis J.L. (1986) «The Long Peace: Elements of Stability in the Post-war International System» // *International Security*, vol. 10, no. 4: 99–142.
- Gleditsch K.S. and A.Clauset. (2018) «Trends in Conflict: What Do We Know and What Can We Know» // Gheciu A. and W.C.Wohlforth, eds. *Oxford Handbook of International Security*. Oxford: Oxford University Press: 227–245.
- Goldstein J.S. (2012). *Winning the War on War: The Decline of Armed Conflict Worldwide*. New York: Plume.
- Ikenberry J. (2001) *After Victory: Institutions, Strategic Restraint, and the Rebuilding of Order after Major Wars*. Oxford: Oxford University Press.
- Jackson M.O. and S.Nei. (2015) «Networks of Military Alliances, Wars, and International Trade» // *Proceedings of the National Academy of Sciences*, vol. 112, no. 50: 15277–15284.
- Kennan G.F. (1987) «Containment: 40 Years Later» // *Foreign Affairs*, vol. 65, no. 4: 885–890.
- Kinne B.J. (2018) «Defense Cooperation Agreements and the Emergence of a Global Security Network» // *International Organization*, vol. 72, no. 4: 799–837.
- Krasner S. (2018) «Theories of Development and Areas of Limited Statehood» // Risse Th., T.A.Börzel, and A.Draude, eds. *The Oxford Handbook of Governance and Limited Statehood*. Oxford: Oxford University Press:

29—47. URL: https://books.google.ru/books?id=NhFQDwAAQBAJ&pg=PT44&hl=ru&source=gbs_toc_r&cad=3#v=onepage&q&f=false (accessed on 1.12.2019).

Mackinder H.J. (1904) «The Geographical Pivot of History» // *The Geographical Journal*, vol. 23, no. 4: 421—437.

Mann M. (1986) *The Sources of Social Power. Vol. 1: A History of Power from the Beginning to A.D. 1760*. Cambridge, etc.: Cambridge University Press.

Mann M. (2012) *The Sources of Social Power. Vol. 2: The Rise of Classes and Nation-States, 1760—1914*. Cambridge, etc.: Cambridge University Press.

Mastny V. and M.Byrne, eds. (2005) *A Cardboard Castle? An Inside History of the Warsaw Pact, 1955—1991*. Budapest: Central European University Press.

Morris I. (2014) *War! What Is It Good for? Conflict and the Progress of Civilization from Primates to Robots*. London: Profile Books.

Mueller J. (2018) «Nuclear Weapons Don't Matter» // *Foreign Affairs*, November/December: 10—15. URL: <https://politicalscience.osu.edu/faculty/jmueller/FAnukes2018finful.pdf> (accessed on 1.12.2019).

Nicolson H. (2001) *The Evolution of Diplomatic Method*. Leicester: University of Leicester.

Payne J. (2004) *A History of Force: Exploring the Worldwide Movement Against Habits of Coercion, Bloodshed, and Mayhem*. Sandpoint, Idaho: Lytton Publishing Company.

Pinker S. (2011). *The Better Angels of Our Nature: Why Violence Has Declined*. New York: Viking.

Ray J.L. (1998) «Does Democracy Cause Peace?» // *Annual Review of Political Science*, vol. 1: 27—46.

Renfrew C. (1972) *The Emergence of Civilisation: The Cyclades and the Aegean in the Third Millennium BC*. Oxford: Oxbow Books.

Sarkees M.R. and F.W.Wayman. (2010) *Resort to War: A Data Guide to Inter-State, Extra-State, Intra-State, and Non-State Wars, 1816—2007*. Washington: CQ Press.

Sarotte M.E. (2019) «How to Enlarge NATO: The Debate inside the Clinton Administration, 1993—95» // *International Security*, vol. 44, no. 1: 7—41.

Scott J.C. (2017) *Against the Grain: a Deep History of the Earliest States*. New Haven: Yale University Press.

Wallerstein I. (2011a) *The Modern World-System I: Capitalist Agriculture and the Origins of the European World-Economy in the Sixteenth Century*. Berkeley: University of California Press.

Wallerstein I. (2011b) *The Modern World-System II: Mercantilism and the Consolidation of the European World-Economy, 1600—1750*. Berkeley: University of California Press.

Wallerstein I. (2011c) *The Modern World-System III: The Second Era of Great Expansion of the Capitalist World-Economy, 1730s—1840s*. Berkeley: University of California Press.

Wallerstein I. (2011d) *The Modern World-System IV: Centrist Liberalism Triumphant, 1789—1914*. Berkeley: University of California Press.

Watson A. (1992) *The Evolution of International Society: A Comparative Historical Analysis*. London, New York: Routledge.

Weiss L. (2005). «Infrastructural Power, Economic Transformation, and Globalization» // Hall J. and R.Schroeder, eds. *An Anatomy of Power: The Social Theory of Michael Mann*. Cambridge: Cambridge University Press: 167—186.

Weiss L. (2006). «Michael Mann, State Power, and the Two Logics of Globalisation» // *Millennium: Journal of International Studies*, vol. 34, no. 2: 529—539.

Wendt A. (2003) «Why a World State Is Inevitable» // *European Journal of International Relations*, vol. 9, no. 4: 491—542.

Wesley M. (2008) «The State of the Art on the Art of State Building» // *Global Governance*, vol. 14, no. 3: 369—385.

M.V.Kharkevich
“SOCIAL CAGING”
AS CONDITION OF PEACE
IN WORLD POLITICS

Maxim V. Kharkevich — Ph.D. in Political Science; Associate Professor at the Department of World Political Processes, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University). Email: m.kharkevich@inno.mgimo.ru.

Abstract. The article proves that the structural reasons for the decrease/increase in armed violence at the societal and international levels are the same. Researchers usually examine conflicts at these levels separately, so there is no general explanation for the change in their dynamics. The article attempts to offer such an explanation based on two interconnected approaches — international historical sociology and the English School of International Relations Theory. The essence of the explanation is the effect of “social caging” described by Michael Mann. Due to the mechanism of social learning, the presence of restrictions that impede exit from social interaction leads to a gradual decrease in violence and increase in cooperation between actors. At the level of society, the functions of the “cage” are performed by the state, at the level of states — by the global capitalist system (in the economic sphere) and the international society (in the political sphere).

Having analyzed the explanatory power of the concept of “social caging” on historical examples, the author shows that it fully explains dynamics of civil conflicts: the stronger the state, the lower the likelihood of their occurrence. In the case of interstate relations, the situation is more complicated, because the international society exists at two levels — global and regional. The effect of the global international society is most profound for the relations between the great powers. The behavior of other states is regulated by “social cages” that take shape within individual regional security complexes. As a result, the downward trend in the number of military clashes is most pronounced between the great powers. At the regional level, this trend applies only to centralized security complexes, while standard security complexes lack in unambiguous trends in the dynamics of interstate conflicts.

Keywords: international security, social interaction, state, international society, regional security complexes

References

- Börzel T. and T.Risse. (2016) *The Oxford Handbook of Comparative Regionalism*. Oxford: Oxford University Press.
- Brodie B. (1946) *The Absolute Weapon: Atomic Power and World Order*. URL: <https://www.osti.gov/opennet/servlets/purl/16380564-wvLB09/16380564.pdf> (accessed on 1.12.2019).
- Bull H. and A.Watson. (1984) *The Expansion of International Society*. Oxford: Clarendon Press.
- Buzan B. and O.Weaver. (2003) *Regions and Powers: The Structure of International Security*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Castells M. (1998). *The Information Age: Economy, Society and Culture. Vol. III: End of Millennium*. Malden, Oxford: Blackwell.
- Cederman L.-E. (2001) “Back to Kant: Reinterpreting the Democratic Peace as a Macrohistorical Learning Process” // *American Political Science Review*, vol. 95, no. 1: 15—31.
- Churchill W. (1955) *Churchill on War. Part 2: What He Said in the Nuclear Age*. URL: <https://richardlangworth.com/war2> (accessed on 1.12.2019).
- Cirillo P. and N.Taleb. (2016) *The Decline of Violent Conflicts: What Do The Data Really Say?* URL: <http://www.fooledbyrandomness.com/pinker.pdf> (accessed on 1.12.2019).
- Clark I. (2005) *Legitimacy in International Society*. Oxford: Oxford University Press.
- Clauset A. (2018) “Trends and Fluctuations in the Severity of Interstate Wars” // *Science Advances*, vol. 4, no. 2 <https://advances.sciencemag.org/content/4/2/eaao3580.full> (accessed on 1.12.2019).
- Fearon J.D. and D.D.Laitin. (2003) “Ethnicity, Insurgency, and Civil War” // *American Political Science Review*, vol. 97, no. 1: 75—90.
- Fukuyama F. (2004) “The Imperative of State-Building” // *Journal of Democracy*, vol. 15, no. 2: 17—31.

- Fukuyama F. (2007) "Exchange: Liberalism versus State-Building" // *Journal of Democracy*, vol. 18, no. 3: 10–13.
- Fukuyama F. (2014) *State-Building: Governance and World Order in the 21st Century*. Ithaka: Cornell University Press.
- Gaddis J.L. (1986) "The Long Peace: Elements of Stability in the Post-war International System" // *International Security*, vol. 10, no. 4: 99–142.
- Gleditsch K.S. and A.Clauset. (2018) "Trends in Conflict: What Do We Know and What Can We Know" // Gheciu A. and W.C.Wohlforth, eds. *Oxford Handbook of International Security*. Oxford: Oxford University Press: 227–245.
- Goldstein J.S. (2012). *Winning the War on War: The Decline of Armed Conflict Worldwide*. New York: Plume.
- Ikenberry J. (2001) *After Victory: Institutions, Strategic Restraint, and the Rebuilding of Order after Major Wars*. Oxford: Oxford University Press.
- Jackson M.O. and S.Nei. (2015) "Networks of Military Alliances, Wars, and International Trade" // *Proceedings of the National Academy of Sciences*, vol. 112, no. 50: 15277–15284.
- Kennan G.F. (1987) "Containment: 40 Years Later" // *Foreign Affairs*, vol. 65, no. 4: 885–890.
- Kinne B.J. (2018) "Defense Cooperation Agreements and the Emergence of a Global Security Network" // *International Organization*, vol. 72, no. 4: 799–837.
- Krasner S. (2018) "Theories of Development and Areas of Limited Statehood" // Risse Th., T.A.Börzel, and A.Draude, eds. *The Oxford Handbook of Governance and Limited Statehood*. Oxford: Oxford University Press: 29–47. URL: https://books.google.ru/books?id=NhFQDwAAQBAJ&pg=PT44&hl=ru&source=gbs_toc_r&cad=3#v=onepage&q&f=false (accessed on 1.12.2019).
- Mackinder H.J. (1904) "The Geographical Pivot of History" // *The Geographical Journal*, vol. 23, no. 4: 421–437.
- Mann M. (1986) *The Sources of Social Power. Vol. 1: A History of Power from the Beginning to A.D. 1760*. Cambridge, etc.: Cambridge University Press.
- Mann M. (2012) *The Sources of Social Power. Vol. 2: The Rise of Classes and Nation-States, 1760–1914*. Cambridge, etc.: Cambridge University Press.
- Mastny V. and M.Byrne, eds. (2005) *A Cardboard Castle? An Inside History of the Warsaw Pact, 1955–1991*. Budapest: Central European University Press.
- Morris I. (2014) *War! What Is It Good for? Conflict and the Progress of Civilization from Primates to Robots*. London: Profile Books.
- Mueller J. (2018) "Nuclear Weapons Don't Matter" // *Foreign Affairs*, November/December: 10–15. URL: <https://politicalscience.osu.edu/faculty/jmueller/FAnukes2018final.pdf> (accessed on 1.12.2019).
- Nicolson H. (2001) *The Evolution of Diplomatic Method*. Leicester: University of Leicester.

- Payne J. (2004) *A History of Force: Exploring the Worldwide Movement Against Habits of Coercion, Bloodshed, and Mayhem*. Sandpoint, Idaho: Lytton Publishing Company.
- Pinker S. (2011). *The Better Angels of Our Nature: Why Violence Has Declined*. New York: Viking.
- Ray J.L. (1998) “Does Democracy Cause Peace?” // *Annual Review of Political Science*, vol. 1: 27—46.
- Renfrew C. (1972) *The Emergence of Civilisation: The Cyclades and the Aegean in the Third Millennium BC*. Oxford: Oxbow Books.
- Sarkees M.R. and F.W.Wayman. (2010) *Resort to War: A Data Guide to Inter-State, Extra-State, Intra-State, and Non-State Wars, 1816—2007*. Washington: CQ Press.
- Sarotte M.E. (2019) “How to Enlarge NATO: The Debate inside the Clinton Administration, 1993—95” // *International Security*, vol. 44, no. 1: 7—41.
- Scott J.C. (2017) *Against the Grain: a Deep History of the Earliest States*. New Haven: Yale University Press.
- Wallerstein I. (2011a) *The Modern World-System I: Capitalist Agriculture and the Origins of the European World-Economy in the Sixteenth Century*. Berkeley: University of California Press.
- Wallerstein I. (2011b) *The Modern World-System II: Mercantilism and the Consolidation of the European World-Economy, 1600—1750*. Berkeley: University of California Press.
- Wallerstein I. (2011c) *The Modern World-System III: The Second Era of Great Expansion of the Capitalist World-Economy, 1730s—1840s*. Berkeley: University of California Press.
- Wallerstein I. (2011d) *The Modern World-System IV: Centrist Liberalism Triumphant, 1789—1914*. Berkeley: University of California Press.
- Watson A. (1992) *The Evolution of International Society: A Comparative Historical Analysis*. London, New York: Routledge.
- Weiss L. (2005). “Infrastructural Power, Economic Transformation, and Globalization” // Hall J. and R.Schroeder, eds. *An Anatomy of Power: The Social Theory of Michael Mann*. Cambridge: Cambridge University Press: 167—186.
- Weiss L. (2006). “Michael Mann, State Power, and the Two Logics of Globalisation” // *Millennium: Journal of International Studies*, vol. 34, no. 2: 529—539.
- Wendt A. (2003) “Why a World State Is Inevitable” // *European Journal of International Relations*, vol. 9, no. 4: 491—542.
- Wesley M. (2008) “The State of the Art on the Art of State Building” // *Global Governance*, vol. 14, no. 3: 369—385.